

УДК 821.111
ББК 83.3(7)
М 15

Colum McCann
ZOLI

Перевел с английского
Александр Авербух

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Алексей Вайнер

Маккэнн К.

М15 Золи : [роман] / Колум Маккэнн; [пер. с англ. А. Авербуха] — СПб. : Аркадия, 2018. — 336 с. — (Серия «Метору»).

ISBN 978-5-906986-58-0

Золи Новотна — цыганка. Она живет в таборе, следуя традициям своего народа и претерпевая вместе с ним муки и страдания: ее детство приходится на годы геноцида цыган. Золи — гениальный поэт, это признают и ее соплеменники, и их гонители — «белые» люди, гадже. Они даже предлагают Золи издать книгу ее стихотворений, и девушка вопреки цыганскому запрету записывать песни соглашается. Когда же власти начинают использовать имя Золи, чтобы разрушить многовековой уклад жизни ее народа, старейшины проклинают певицу и изгоняют из привычного мира. Обычно за этим следуют безумие и смерть, но Золи все же найдет в себе силы жить, любить и петь.

УДК 821.111

ББК 83.3(7)

© Colum McCann, 2006

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ISBN 978-5-906986-58-0

ООО «Издательство Аркадия», 2018

*Эллисон, Изабелле, Джону Майклу
и Кристиану*

*Большая часть этого романа была
написана, когда я работал в Центре
ученых и писателей имени Дороти
и Льюиса Калман в Нью-йоркской
публичной библиотеке. Книга
посвящается сотрудникам этой
и других библиотек: спасибо вам.*

Колум Маккэнн

Будешь сидеть тихо — умрешь. Будешь говорить — умрешь. Так говори и умри.

Тахар Джаут

...В нашем столетии, когда беспредельны только зло и равнодушие, мы не можем позволить себе задавать праздные вопросы. Нам следует защищаться с помощью всего, в чем мы уверены.

Джон Бергер

И наши лица, сердце мое, лаконичны, как фотографии.

Вернуться до наступления темноты — это искусство уходить.

Уэнделл Берри

(Собрание стихотворений
Уэнделла Берри, 1957–1982)

Словакия

2003

Он ведет машину вдоль русла небольшого ручья. За поворотом его взору открывается местность, напоминающая пейзаж из компьютерной игры «Сталкер»: перевернутые ведра у поворота реки, сломанная детская коляска в траве, бочка из-под бензина с засохшим ржавым подтеком, остов холодильника в зарослях ежевики.

Собака — кожа да кости да шрамы — вынюхивает что-то на обочине, и через некоторое время из кустов появляются дети. Они бегут за машиной. Он, стараясь не обнаруживать тревоги, незаметно блокирует локтем двери. Один мальчишка проворно и почти беззвучно вспрыгивает на капот, хватается за дворники и ложится, раскинув ноги. Раздаются восторженные возгласы: двое других ухватились за задний бампер и скользят по земле босыми подошвами. Девочки-подростки в джинсах, низко сидящих на бедрах, бегут рядом. Одна из них показывает на что-то пальцем, смеется, но затем отворачивается. Мальчишка скатывается в сторону с капота, его дружки отцепляются от бампера.

Он на секунду теряет бдительность, и перед машиной внезапно возникает река, бурная, быстрая, с бурой водой. Он резко поворачивает руль. Стебли ежевики

царапают стекла, высокая трава шуршит под днищем. Перед машиной вновь проселочная дорога, и снова дети с криком бегут рядом с ней.

На берегу реки две старухи, стирающие простыни на камнях, встают, качают головами, улыбаются и снова склоняются над своей работой.

Он делает еще один крутой поворот и едет к густой лесополосе мимо гниющего мусора, валяющегося в высокой траве. Там, за шатким мостиком посреди реки — остров. Его омывают два рукава, как будто вода раздумала течь единым руслом. На острове уютится серый цыганский поселок. Хибарки без окон, выстроенные из чего попало, разномастные доски, ржавые жестяные заплаты, покосившиеся трубы, из которых поднимаются тонкие струйки дыма. Однако на каждой залатанной крыше красуется спутниковая тарелка. Вдали на ветке дерева одиноко болтается синее пальто.

Он направляет машину в высокую траву, ставит ее на ручной тормоз и делает вид, что ищет что-то в бардачке, в самой его глубине, хоть там и нет ничего, просто ему нужно немного передохнуть. Дети прижимаются лицами к стеклам. Он рывком открывает дверцу машины, и в уши ему ударяет рев множества включенных на полную мощность радиоприемников, играющих словацкие, американские и чешские песни.

Дети сразу же принимаются ощупывать его рукава, тыкать костяшками пальцев в ребра, хлопать по карманам пиджака. У него как будто вдруг вырос десяток рук.

— Пошли прочь! — кричит он, замахиваясь на детей.

Один из мальчишек с размаху садится на передний бампер и начинает прыгать на нем так, что вся машина ритмично раскачивается.

— Хватит! — кричит он. — Довольно!

Старшие подростки в темных кожаных джинсахжимают плечами. Девочки в незастегнутых блузках, хихикая, отступают назад. Как безупречны их зубы, как быстры глаза! Самый высокий парень в майке выступает вперед.

— Робо, — представляется он, выпячивая грудь. Они жмут друг другу руки, приехавший отводит парня в сторону и, стараясь не обращать внимания на исходящий от него запах влажной шерсти и дыма, говорит ему что-то на ухо. Через несколько секунд договор заключен: за пятьдесят крон Робо проведет его к старшим и последит за машиной.

Робо окриком отгоняет остальных и дает оплеуху мальчугану, примостившемуся на заднем бампере. Они идут к мосту. К ним присоединяется все больше детей, некоторые совсем голые, малыши — в подгузниках. Одна девочка в рваном розовом платье, кажется, то и дело попадает ему на глаза, но всякий раз в разной обуви. Красивая, с угольно-черными глазами и копной спутанных волос.

Он смотрит, как дети, словно странные птицы, осторожно переходят мост: на одну доску, надежную, ставят ногу основательно, на другие — быстро и только на носок. Листы жести вибрируют под тяжестью идущих. На куске фанеры он теряет равновесие, пошатывается, взмахивает руками, ища опоры, но ее нет. Дети, прикрывая рты ладонями, хихикают.

«Я, — думает он, — величайший на свете идиот».

Под одеждой у него спрятано все необходимое для сегодняшней встречи: две бутылки, блокнот, карандаш, пачка сигарет, фотоаппарат и крошечный диктофон. Он одергивает пиджак, перепрыгивает через последнюю

дыру в мосте и утопает в мягкой грязи острова всего в двадцати ярдах от хибарок. Подняв глаза, делает глубокий вдох... как будто получает удар под дых. От страха сердце глухо бьется о грудную клетку: ох, не следовало ему, полноватому словацкому журналисту сорока четырех лет, мужу, отцу семейства, являться в одиночку в цыганский поселок! Он делает шаг вперед и вступает в лужу. Глупо было надевать в такую поездку дорогую обувь из мягкой кожи — она не годится даже для быстрого отступления.

Поравнявшись с хибарками, он видит мужчин, которые стоят в дверях, прислонившись к притолокам, и женщин со сложенными на животах руками. Он пытается встретиться с ними взглядом, но они смотрят куда-то вдаль мимо него. Странно, думает он, что все молчат, никто ничего не спрашивает. Может быть, его приняли за полицейского, или социального работника, или какого-нибудь еще чиновника, нагрянувшего с официальным визитом? На какое-то время журналист успокаивается и дает Робо вести себя дальше по тропинке.

Старые двери здесь используются в качестве столов, мешковина — как занавески. Пустые бутылки, привязанные к веревке, постукивают друг о друга на ветру. Под ногами хрустят втоптаннные в землю обертки от конфет, рваные упаковки, битое стекло, полуистлевшие кости животных. В открытых дверях видны подвешенные к потолкам люльки, в них спят младенцы, не замечая жужжащих вокруг них мух. Он хочет достать фотоаппарат, но его толкают, торопят дети. Распахнутые двери захлопываются. Голые лампочки гаснут. Он успеваает заметить старые ковры на стенах и висящие высоко над пустыми полками изображения Христа, Лены, Марии Магдалины и святого Иуды, освещенные

маленькими красными свечками. Отовсюду доносится громкая музыка. Не аккордеоны, не губные гармоники, не скрипки, но в каждой лачуге включен на полную мощность радиоприемник или телевизор — стоит невообразимый шум.

Робо кричит ему в ухо:

— Вот сюда, дядя, иди за мной!

И он поражается тому, как не похож на его знакомых этот парень, как дик, как смугл.

Они делают крутой поворот и оказываются у самой большой хибары. На крыше — новая, сияющая белизной спутниковая тарелка. Журналист стучит в фанерную дверь. С каждым прикосновением она открывается все шире. Внутри собрались восемь-девять, может быть, десять мужчин. Одетые в черное, они напоминают стаю воронов. Кто-то поднимает голову от карт, некоторые кивают, но все продолжают играть, и он понимает, что их безразличие напускное, — он и сам играл в эту игру в Словакии, в квартирах Братиславы, в гетто Прешова, в трущобах города Летановцы.

Из дальнего угла комнаты на него, широко раскрыв глаза, смотрят две женщины. Чья-то рука подталкивает его в спину.

— Я подожду тебя здесь, мистер, — говорит Робо, и дверь за ним со скрипом закрывается.

Журналист оглядывает комнату, безупречно чистый пол, посуду, аккуратно составленную в буфеты, белую рубашку, висящую на вбитом в стену гвозде.

— Хороший дом, — говорит он и сразу понимает, как глупо это прозвучало.

Невольно покраснев, он выпрямляется в полный рост и оглядывается. В углу сидит широкоплечий мужчина, крепкий, с мощной нижней челюстью, его седые

волосы взъерошены, как после бессонной ночи. Журналист делает шаг вперед и тихо говорит, что приехал написать репортаж и хотел бы побеседовать с кем-нибудь из старожилов.

— Мы и есть старожилы, — говорит один из мужчин.

— Верно, — бормочет журналист и похлопывает себя по карманам пиджака. Порывшись в них, достает и открывает пачку «Мальборо».

«Какой я дурак, — думает он, — пора бы справиться с неловкостью».

В наступившем молчании все его рассматривают. Рука журналиста, держащая пачку, начинает дрожать, по лбу стекает капля пота. Он почти слышит, как шуршат под рубашкой волосы на его груди. Он сдергивает целлофан с пачки и наполовину выстукивает из нее три сигареты.

— Просто хочу поговорить, — объясняет журналист.

Мужчина ждет, пока ему дадут прикурить, и выдыхает дым в сторону.

— О чем?

— О старине.

— Вчера был долгий день, — говорит мужчина со смешком, который рябью пробегает по комнате.

Сначала посмеиваются мужчины, негромко, осторожно, потом вступают женщины, и вот уже смех гремит на всю комнату, напряжение исчезает. Его хлопают по плечу, он широко улыбается, мужчины говорят, нараспев, быстро, резко. Начинают фразу басом, заканчивают тенорком. В речи попадают слова на романи. Насколько он может понять, мужчину, сидящего в углу, зовут Бошор. Журналист бросает пачку «Мальборо» на стол, мужчины небрежно вытаскивают сигареты. В комнату заходят женщины, одна из них очень юна

и хороша. Она наклоняется, чтобы прикурить, и он отворачивается, чтобы не видеть, как колышутся ее груди. Бошор указывает на карты и говорит:

— Играем на еду и выпивку, — он вытягивает из пачки новую сигарету. — Но на самом деле мы не пьяницы.

Поняв намек Бошора, журналист расстегивает пуговицу, отодвигает рубашку, показывая дряблую грудь, и достает, словно трофей, первую бутылку. Бошор берет ее, поворачивает в руках, одобрительно кивает и быстро говорит что-то на романи, вызывая общий смех.

Журналист смотрит, как девушка открывает буфет, достает из него ящик из красного дерева с серебряным запором и отпирает его. В ящике — чайный фарфоровый сервиз. Она ставит на стол чашки, откупоривает бутылку. Ему дают, замечает он, единственную чашку без щербинки.

Бошор отклоняется назад и нежно говорит:

— За здоровье!

Они чокаются чашками, и Бошор, наклонившись вперед, шепчет:

— О, и на деньги тоже, друг. Мы играем в карты и на деньги.

Журналист, не смутившись, шлепает о стол двести крон. Бошор берет деньги, засовывает в карман штанов, улыбается и выдувает дым к потолку.

— Спасибо, друг.

Карты откладывают в сторону и начинают пить. Журналисту странно, как близко сидит к нему Бошор, их колени соприкасаются, темная рука Бошора лежит на рукаве его пиджака, и он думает о том, как навести разговор на цыганские секреты — даже сельский диалект их словацкого понять нелегко, — но вот уж на столе появляется вторая бутылка. Он достает ее бы-

стро и спокойно. Спиртное развязывает языки, цыгане обсуждают бесчестных мэров и бюрократов, дотации и пособия по безработице, то, как Колю на прошлой неделе побили киркомотыгой, и то, что им не разрешают заходить в бары.

— Не позволяют и на пятьдесят метров приближаться к ним!

Журналисту интересно все, что они говорят. Даже цыгане, думает он, переняли ходовые словечки: «расизм», «интеграция», «школьное образование», «права цыган», «дискриминация» — всю эту туфту, хотя сидит он с ними все же не зря. По мере того как бутылка опорожняется, языки развязываются, голоса становятся громче, в конце концов все начинают говорить одновременно, и речь заходит о мотоцикле, отобранном полицейскими.

— Что бы где ни украли, валят на нас, — сетует Бошор. Он наклоняется вперед, глаза наливаются кровью, белки слегка желтоватые. — Всегда мы во всем виноваты, да? А нам воровать гордость не позволяет, понимаешь?

Журналист кивает Бошору, ерзает на стуле, дожидается паузы в разговоре, пускает по рукам новую пачку сигарет, машет горячей спичкой, чтобы погасить пламя.

— Так что, — говорит журналист, — мотоциклы — новые цыганские лошади?

Он гордится своим вопросом, пока Бошор не повторяет его, да не раз, а дважды. Тут самая младшая девочка начинает хихикать, а мужчины шлепают себя по бедрам и хохочут.

— Э, друг, ты загнул! — восклицает Бошор. — У нас даже уздечек не осталось!